

О ВОЗМОЖНОМ СТАТУСЕ НОМИНАЛЬНЫХ (СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ) ТЕМАТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ «ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ» ВНУТРИ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Философия обсуждается в ее актуальном (событийном) аспекте, дополнительном к ее реализованным содержательным результатам. Попытка философствовать понимается как выполнение некоего предельного и нелокального отношения. Проблематизация философии в философствовании представляется как производство специфической онтологической операциональности.

Ключевые слова: проблематизация философии, философ, событие, дискуссия, онтологическое отношение.

Філософія обговорюється у її актуальному (подієвому) аспекті, додатковому до її реалізованих змістовних результатів. Спроба філософувати розуміється як виконання певного граничного та нелокального відношення. Проблематизація філософії у філософуванні представляється як виробництво специфічної онтологічної операційності.

Ключові слова: проблематизація філософії, філософ, подія, дискусія, онтологічне відношення.

The philosophy in actual (eventual) aspect is discussed, additional to the realized contentual results of philosophy. Attempt to philosophize is understood as performance of a certain limit and not local relation. Problematization of philosophy in philosophizing as production specific ontological operationality is represented.

Keywords: philosophy problematization, philosopher, event, discussion, ontological relation.

И кто лучший последователь великих философов – тот, кто повторяет то, что они говорили, или же тот, кто делает то, что они делали?

Жиль Делез, Феликс Гваттари [5, с. 40-41]

Зачем мы здесь? Знаем ли мы, с чем связались?

Мартин Хайдеггер [11, с. 6]

Для начала отметим два вполне *фактические* обстоятельства.

С одной стороны, вряд ли удастся найти философа, в составе реализованной философии которого (т. е., в зафиксированном содержательном наследии – в текстах, выступлениях, беседах, речах и т.п.) не встретилось бы нескольких слов о том, что собственно имеется в виду и что происходит, когда мы говорим, что философствуем?

С другой стороны, практически нельзя встретить не-философа (не существенно, «физика» или «лирика», «теоретика» или «практика», «делового человека» или «политического мустанга»), который открывал бы тему философии, так сказать, «в себе» – т. е., для вопрошаемого, стоящего под вопросами, ради *самого* вопроса о философии, или «для себя» – т. е., для самого *вопрошающего*, а не в услужение и в употребление чему-то другому (преумножению наук, политической борьбе, воспитанию юношества, или развлечению друзей).

Между тем, вполне «позитивно» может быть зафиксирована, также, та *неблагодарность*, которая сопровождает любую инсталляцию собственных слов о философии для коллег-философов. С такой темой очень хлопотно выступать (даже если дело не идет об изложении авторской позиции, а, скажем, всего лишь о приглашении к разговору). Знакомая «непростота» (безразлично, в попытке говорить или писать) обращения к аудитории, незаинтересованной предметом и не захваченной делом, в данном случае переворачивается «с ног на голову». Эмпирически легче говорить о философии перед теми (и с теми), кто никак не ангажирован философией, не питает к этому предприятию интереса и склонности, и остается

(иногда активно и воинственно) *безучастным*, нежели говоря о ней, попасть под обаяние специфического *участия* товарищей по цеху.

В этом смысле симптоматично, кстати, что от тематизации философии в докладах и тезисах всегда стараются отговорить будущих магистрантов и действующих аспирантов. Последнее считается индикатором чуткого и грамотного научного руководства. Выражаясь фигурально, в экономии процесса выработки философской идентичности тема философии считается тем, чем можно испугать даже «детей», которые, как известно, ничего не боятся.

Дискуссионный формат проблематичен и спорен не только в отношении тех начинаний, когда философия становится тематизированным «телом» проблематизации, попадает под вопрос. Внутри самой философской работы формат дискуссии, обсуждения, обмена мнениями также принимается осторожно и настороженно.

«Как любил говорить Пастернак, – замечает Д. Быков – “поэты – как красавицы, они всегда друг друга ревнуют, поэты дружат редко”. <...> Представьте себе Ахматову и Цветаеву, которые разговаривают о чем-то или особенно которые вместе, например, посещают магазин. Это же невысказано представить! Или представьте себе Пастернака и Мандельштама, которые выпивают. <...> Представьте себе Ахматову и Цветаеву, разговаривающих о пустяках.

Когда-то я крупнейшего специалиста по Прусту, одного ирландца, в Дублине спросил: “Правда ли, что Пруст и Джойс однажды встретились?” Он ответил: “Да, в 1922 году. Разговор о литературе у них не задался, они три часа проговорили о катаре желудка, от которого оба очень страдали, с величайшим интересом”. <...> А представьте, Пруст говорит: “А неплохо у вас, Джеймс, пущено в “Дублинцах”. А тот: “Да у вас тоже в том третьем ничего”. Проблема в том, что, к сожалению, поэты очень редко разговаривают» [4].

Приведенное повествование, с одной стороны, потенцировано некоей *индексацией по аналогии* касательно философского предприятия, и с другой стороны, замечательно, как кажется, объединяет в одной какой-то символической фигуре сразу оба отмеченные выше аспекта – аспект дискуссии по поводу тематической реализации проблемы философии внутри каждого единичного философствования (которое так или иначе, подписано), т. е., условно, дискуссии *о* философии, и аспект дискуссии *в* философии, дискуссии как пространства и формы для философского начинания.

Дмитрий Быков – поэт. «Новалис – все-таки лишь поэт и отнюдь не научный (wissenschaftlicher) философ. Разве Аристотель не говорит в своей «Метафизике»: πολλὰ φεῦδονται ἄδοσι, много лжи поэты сочиняют?» – вопрошает Хайдеггер [11, s. 7]. Впрочем тут же выясняется, что дело идет о чистой риторическом «кульбите», ибо Хайдеггер – это совершенно очевидно из текста – и обратился к именно к Новалису для того чтобы утверждать «ностальгию» и «домность» в качестве «Grundstimmung des Philosophierens» – фундаментальной настроенности философствования [11, s. 7]. И вот уже Аллен Бадью (между прочим, выступающий в каком-то изначальном движении философским антагонистом Хайдеггера) «подшивает» философию к *поэме* как к родовой процедуре истины, как к некому истинностному протоколу [2, с. 15-16, 33 и след., с. 39 и след.].

Поэтому цитированные одним поэтом слова другого поэта о поэтах-«красавицах» и т. д., «эти слова, – по словам философа (И. М.) – <...> распространяются не только на литературу, но еще более на философию» [8, с. 113].

Так оно и есть. Во всяком случае, с точки зрения Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

«<...> У философа очень мало вкуса к дискуссиям. Услышав фразу “давайте подискутируем”, любой философ убегает со всех ног. <...> Философия же не выносит дискуссий. Ей всегда не до них. <...> Коммуникация всегда наступает слишком рано или слишком поздно, и беседа всегда является лишней по отношению к творчеству. Иногда философию представляют себе как вечную дискуссию, в духе “коммуникационной рациональности” или “мирового демократического диалога”. Нет ничего более неточного» [5, 40-42].

Это по виду противоречит тому, что освящено почтенным вердиктом Сократа о философии, споре и истине. И почтенный Аллен Бадью готов, как кажется, подписаться под этим вердиктом сегодня – подписаться актуально (каковой только и может быть подлинная подпись) – *дискутируя* с Делезом: «<...> Таков закон философии, мыслительной дисциплины, в которой дискуссия и вездесуща, и обладает лишь внутривещной значимостью» [1, с. 75].

Что же такое «внутрипредметная значимость»? То, что дискуссия имеет смысл только, когда она о том, о чем говорят и что обсуждают философы – так, оказываясь «дословно конгениальными» друг другу, говорят о философии Хайдеггер [напр.: 8], Делез (см. напр., эпиграф к этому тексту), Мамардашвили [напр.: 6], теперь и Бадью? Мы – внутри предмета, и только при этом условии получаем право адресовать высказывание «другому».

Однако сама эта тавтологическая формулировка одновременно и недостаточна в качестве термина описания (ибо каков исходя из сказанного критерий именно философской предметности?), и есть *символ понимания* того, что такое философия.

И символ этот говорит: «внутрипредметная значимость» не есть значимость (нахождения) в горизонте *предметной области* философии (как будто у философии есть какой-то предмет), но есть значимость внутри некоего *события, акта* (могущего быть маркированным какой угодно «предметностью», которая к содержанию акта ничего не добавляет). Условием же этой актуальности выступает как раз сингулярное и несоизмеримое происшествие по имени «моя философия», как *значимость*, только и утверждающаяся в той мере, в какой моя попытка философствовать (*и*) *есть* выполнение некоего предельного и нелокального отношения.

Можно было бы «прочитать» описанную коллизию в том духе, в каком Аллен Бадью утверждает философию как максимально «нечистое» занятие (а не только занятие «не чистыми» вещами, против утвердившейся классической идентичности философии). «<...> Я как-то утверждал, что есть отношение между философией и кино, и это как раз нечистота. Кино предлагает наброски произведений искусства или настоящие произведения, соединяющие крайне разнородные составляющие. Философия, со своей стороны, примерно так же использует все что угодно – цитаты из поэм, математические доказательства, мифы на манер Платона. Она работает как кино. Философия – это кино мышления!» [3, с. 114]. Т. е., прочитать дело так, как будто речь идет об экстенсивном актуальном («множественном») охвате каких угодно предметностей, тематизаций, показов и даже «стилей поведения» в присутствии и навыков присутствия. Философия – род виртуозного жонглирования всем этим. Дискуссия существует везде, поскольку философии до всего есть дело.

Но речь не об этом. Тем более, что в рассмотрении (как мы увидим немного ниже) входит подпись, проблема подписи. Философия есть кино мышления. Но необходимо точно понимать, что то, что неумное кручение этого «кино» есть только оперативное пространство или / и набор инструментов для локаута перед любым коллективным продуктом и для утверждения возможности живого актуального «вот» как фиксации универсального (т. е., как «философии»).

«Вездесущность дискуссии» оказывается здесь термином (и требованием) вездесущей дискретности, «*посингулярной*» *актуальной собранности* философского поля, так что предмет может приобрести значимость только вот-здесь, внутри *этой* попытки мыслить философски.

Бадью, фактически, подтверждает это. Нам остается только взять фразу целиком: «И я должен перейти, поскольку таков закон философии <...> к *моей собственной песне...*» [1, с. 75].

(Попутно, мы, кстати, получаем довольно интересный результат. Если сказанное представляет фрагмент тематизации статуса и прав философии в исполнении Бадью, то именно как таким образом исполненное, то, что здесь высказано, может служить символом, «машиной понимания» того, как зафиксировано отношение истины, события, актуального множества и сингулярности, в содержательных реализациях самого философского предприятия за подписью «Ален Бадью») [9, 10].

Что же до Сократа, не есть ли упомянутое утверждение о споре «фирменным» сократовским способом деятельного утверждения невозможности дискуссии *поистине*, в присутствии истины?

Однако если мое философское предприятие значимо в той мере, в какой оно выполняет некое нелокальное отношение, то что же, в таком случае, остается «философу»? «Поскольку стараются сосредоточиться на самом универсальном, но при этом на карту ставится твоя собственная единичность. В этом случае высказывается не коллективная или анонимная универсальность. Это совершенно отличается от научной культуры, которая нормируется коллективно. Там мы обращаемся к коллегам, и они будут определять, ошибаемся мы или нет.

Никакой стиль не имеет значения! У вас нет никакого шанса убедить Вашим стилем в том, что Вы правы! Но в философии есть двусмысленность, которая связана с нечистотой философии. <...> Стиль – это то, что пытается соединить абсолютно универсальное, по своему принципу, направление с тем фактом, что немногие предприятия неповторимы в столь же радикальном смысле. <...> То есть история универсальности осуществляется через абсолютное собрание единичностей. <...> Философия – это, с одной стороны, кино мышления, а с другой – это универсальное с подписью. Вот какие два определения я предлагаю! Стиль, естественно, – это подпись. Это – принадлежит Алену Бадью. В идеале, конечно, это должно было бы произноситься анонимно, но на деле свидетельствует о том, что это – его, Алена Бадью» [3, с. 114-115].

«Стиль», «подпись», «философ» в данном случае, конечно, не обозначают локальное существо, индивид, некую «псюхе» и т. п. «Философ» здесь это топос события, так сказать, дополнительный к тематической, систематико-концептуальной, семиотической, лингво-текстуальной, логической, институционально-политической, культурно-исторической, дискурсивно-коммуникативной и проч. конфигурации, номинально фигурирующей как «философия».

Философия в топосе «философ» обуславливается отношением философствующего (как некоего реального живого существа) к возможности мышления. Понятно, что в таком случае «мышление» это не *его собственное* мышление, рефлексивная собственность, присвоенная индивидом. Мышление так же не фигурирует здесь как естественный электро-психо-неврологический процесс, который не контролируется индивидом, а просто внешним образом происходит, т. е. такой, который не предполагает никакой возможности войти в состав события «того кто мыслит», быть живым *образованием присутствия мыслящего*. Как точно замечает А. М. Пятигорский, – «Позиция философа в отношении любого объекта (включая и его самого) определяется его отношением к *сознанию объекта*» [7, с. 10]. «Его отношение», конечно не означает здесь «сознание сознания» или «самосознание». Формально, объектом «философии данного объекта» есть мышление о данном объекте (в частности, мое мышление о данном объекте, и следовательно, мое мышление *как объект*, и значит – мое как *другое* мышление) [см.: 7]. Стоит только добавить: в формате «возможного». Возможное мышление о науке это то, чем должна заниматься философия науки; возможное мышление о культуре – то, чем должна заниматься философия культуры. Так в случае сообщества, истории, сексуальности.

А что происходит, когда философ проблематизирует философию? Что с возможным мышлением о философии? На этом месте никак нельзя представить некую «метафилософию» для философии, некую «философию философии», которая *занимается* мышлением о философии. Занятость возможным мышлением о философии есть предоставление мышления в распоряжение философии, это *есть* сама философия, включение в порядок вхождения в философию. В копенгагенской интерпретации квантовой механики существует понятие «измерение». Но есть то, что не обеспечивается содержательным термином теории, но что обеспечивает *само измерение* как некий имплицитивный сдвиг, редукцию поля возможностей от неопределенности чистого квантового состояния к точной определенности некоторого классического физического описания. Не аналогичным ли образом в попытке проблематизации философии «оголяется» отношение самого онтологического порядка мышления?

В этом отношении слова философа о философии не могут звучать (и восприниматься) как внешнее предметное описание некоторого явления или / и обстоятельства дел. Не могут они звучать также как рефлексивный отчет об индивидуальных обстоятельствах собственной работы. Более того, они не являются даже содержательным выражением *опыта* другого мышления. Строго говоря, слова эти вообще не должны *звучать* и *значить*. Они относятся к тому *порядку*, который обеспечивает и потенцирует этот опыт (но опять-таки, не как его выражение, а как его отложение). И как таковые, они не могут и не должны браться отдельно от стилия их сочетания и варьирования, от вкуса к одним идеям и понятиям и отсутствия вкуса к другим, от признания одних авторов и избегания других и проч. Напротив, философ и прежде всего он сам, должен взять весь продукт целиком и *практиковать* его в горизонте некой прагматики символических образований понимания, которое (понимание), как режим присутствия человеческого существа, обязательно окажется философствованием...

С этой точки зрения проблематизация философии внутри философии есть предприятие со специальным статусом. Продукт его – так сказать, чистая «онтологическая операциональность», просто работающая форма. Т.о., само это предприятие (попадания философии под вопрос) в определенном смысле *не-содержательно*, не производит содержательных продуктов. Иначе: единственным содержанием его оказывается чистое живое событийное, «вот-здесь» отнесение к возможности мышления, к самому порядку событий мысли. А как реализованная попытка, вопрошание о философии есть некий чистый «оператор» такого отнесения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью А. Делез. Шум бытия / А. Бадью ; [пер. с франц. Д. Скопина]. – М. : Логос-Альтера, 2004. – 184 с.
2. Бадью А. Манифест философии / А. Бадью ; [сост. и пер. с франц. В. Е. Лапицкого]. – СПб. : Machina, 2003. – 184 с.
3. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью / Ален Бадью; [пер. с франц. Д. Кралечкина]. – М. : ИОИ, 2013. – 192 с.
4. Быков Д. Л. Ахматова: и я сказала – Могу : [электронный ресурс] / Д. Л. Могу. – Режим доступа : http://www.pryamaa.ru/dmitriy_bykov_ahmatova_i_ya_skazala_mogu.
5. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; [пер. с франц. С. Н. Зенкина]. – СПб. : Алетейя, 1998. – 288 с.
6. Мамардашвили М. К. Философия – это сознание вслух / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – М. : Прогресс, 1990. – С. 57-71.
7. Мамардашвили М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.
8. Хайдеггер М. Что это такое – философия? / М. Хайдеггер; [пер. с нем. Е. В. Ознобкиной] // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 113-123
9. Badiou A. Being and event / Alain Badiou. – NY. : Continuum, 2006. – xxxiii, 526 p.
10. Badiou A. Logics of worlds (being and event 2) / Alain Badiou. – Bodmin : Continuum, 2009. – xvii, 617 p.
11. Heidegger M. Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt – Endlichkeit – Einsamkeit (Freiburger Vorlesung Wintersemester 1999/30 Herausgegeben von Friedrich-Wilhelm von Herrmann) / Martin Heidegger // Heidegger M. Gesamtausgabe. N. Abteilung : vorlesungen 1923-1944. – Band 29/30. – Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann GmbH, 1983. – XIX, 542 s.